

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ

Книга первая

Опасные
ВОПРОСЫ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 26

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Geliografic*

Маринина А.
М 26 Тот, кто знает. Книга первая: Опасные вопросы / Александра Маринина. — М. : Эксмо, 2014. — 448 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-69200-2

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Машенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной, состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69200-2

© Алексеева М.А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

«Господи, за что ты меня наказал? За что, за какие грехи заставил пережить такое? Разве я была плохой? Я всю жизнь трудилась, работала, училась, делала все честно и в полную силу. Я ни минуты не сидела без дела, я заботилась не только о своих родителях, муже и сыновьях, я заботилась и о Бэллочке, и об Иринке, даже не представляю, как у меня хватило сил и времени на всех, но ведь хватило же! Господи, ты дал мне силы на все это, значит, ты тоже считал, что я поступаю правильно. Так в чем же я провинилась? Неужели это расплата за ТО? Но ведь тогда никто не умер, тогда речь не шла о смерти человека. Неужели ты действительно считаешь, что я совершила страшный грех, за который должна расплатиться?»

Часть 1

НАТАЛЬЯ, 1965—1972 ГГ.

Ворвавшись в квартиру, десятилетняя Наташа ментально сорвала с себя пальтишко, скинула ботинки и пулей пролетела по длинному коридору, минув дверь в комнату, где жила ее семья, и держа путь напрямиком на кухню. Девочка была голодна, и в этот момент ее больше всего на свете интересовала записка с указаниями

по части обеда, которую, как водится, должна была оставить мама на кухонном столе. Записка действительно лежала на видном месте, и Наташа впилась в нее глазами. «Суп в синей кастрюльке за дверью, макароны в миске на окне». Дверь, за которой пряталась кастрюля с супом, вела из кухни на черную лестницу. Раньше, до революции еще, по черной лестнице приходила кухарка и готовила еду для всех обитателей этой большой барской квартиры, теперь же черным ходом никто не пользовался, и прохладное даже летом место с успехом заменяло жильцам холодильник. Настоящий холодильник в их квартире был только у Брагиных, и стоял он не в общей кухне, а у них в комнате. Сам Брагин работал кем-то очень важным, получал большую зарплату, и у них всегда появлялись разные полезные и удивительные вещи — проигрыватель, телевизор, магнитофон, вот и холодильник тоже. Правда, они не были жадными и всегда разрешали положить в свою сверкающую белизной сокровищницу что-нибудь особо ценное на хранение, рыбу там или вырезку. А когда по телевизору «Огонек» шел, так даже сами приглашали соседей. Иногда.

С усилием откинув туго входивший в петлю тяжелый крюк, Наташа открыла дверь, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Отперев дверь комнаты, бросила на стул портфельчик и быстро переоделась в домашнее платье, аккуратно повесив форму на плечики. «Космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов... — торжественно вещал голос диктора из постоянно включенного репродуктора. — Двадцать минут провел советский космонавт в открытом космосе...» Вот это да! Наши опять полетели в космос! Надо всем сказать, пусть тоже порадуются! Хотя кому сказать? В этот час в квартире и нет никого, все на работе. Но радость и гордость переполняли маленькое Наташино сердечко, и ей просто необходимо было поделиться такой ошеломляющей новостью. Прихватив с собой стоявшую на подоконнике алюминиевую миску с отваренными

еще утром макаронами и масленку, она направилась к телефону, висящему на стене в коридоре.

— Добавочный пятнадцать тридцать шесть, пожалуйста, — вежливо произнесла она, услышав голос телефонистки на коммутаторе.

Через полминуты в трубке раздался голос матери.

— Мам, ты не представляешь, что случилось! — захлебываясь восторгом, заверещала Наташа. — Наши опять в космос полетели!

— Да, я слышала, — спокойно ответила мама.

— Нет, ты, наверное, не все слышала, — не унималась девочка. — Леонов двадцать минут пробыл в открытом космосе! Ты представляешь? Правда же, здорово? Я как по радио услышала...

— Доченька, у нас тут тоже есть радио, и мы все знаем. — Голос матери звучал устало и немного недовольно. — Ты давно пришла из школы?

— Только что.

— Почему так поздно? У тебя четыре урока сегодня, в котором часу ты должна была вернуться?

— В половине первого, — уныло произнесла Наташа.

— А сейчас сколько? — продолжала строгий вопрос мама.

— Не знаю, я не посмотрела.

— Сейчас двадцать минут четвертого. Где ты была?

Пришлось признаваться:

— Мы с девочками в кино ходили. На «Ко мне, Мухтар!».

— Но ты уже его смотрела! Вы с папой ходили на этот фильм две недели назад.

— Ну и что! Он мне так нравится...

— А деньги где взяла? Опять в школе не поела? Наташа, я даю тебе каждый день деньги, чтобы ты на большой перемене покушала в буфете, а ты что вытворяешь?

— Ну мам...

— Вечером отец с тобой разберется, — сухо пообещала мама и бросила трубку.

Ну вот, так всегда. Хочешь как лучше, хочешь лю-

дям радость доставить, хорошей новостью поделиться, а они ругаются. И почему эти взрослые не понимают, что можно один и тот же фильм бесконечное количество раз посмотреть? Девочка медленно побрела на кухню, только что сжигавшая ее радость мгновенно потухла.

Суп уже кипел вовсю и даже норовил выплеснуться на плиту. Скучно выхлебав из глубокой тарелки рассольник (а суп оказался именно рассольником), Наташа машинально сжевала разогретые на сливочном масле и посыпанные сверху сахарным песком макароны, забыв, что еще десять минут назад была зверски голодна, и не получая от еды никакого удовольствия. Впрочем, плохое настроение не задерживалось у нее подолгу, и, уже заканчивая мыть посуду, девочка предвкушала радость от того, как будет сообщать потрясающую новость всем жильцам квартиры по мере их появления. Красавице Ниночке, которая слушает по радио только музыку, а на новости внимания не обращает и узнает обо всем от соседей. Ее матери, Полине Михайловне. Полина Михайловна работает уборщицей, ей не до радио. Дяде Славе Брагину. Он, конечно, ответственный работник, у него в кабинете радио наверняка есть, но у него же такая важная и сложная работа, когда ему новости-то слушать! Бэлле Львовне... Хотя нет, Бэлла Львовна всегда все узнает первая, один бог ведает, как у нее это получается. Зато ее сын Марик — вот уж кто с интересом выслушает удивительную новость. Марик студент, а во время занятий в институте студенты радио не слушают. Может быть, и Наташина старшая сестра Люся порадуетса новому успеху советской космонавтики, правда, приходит она поздно, частенько уже тогда, когда Наташа спит. Люсе двадцать семь лет, она на семнадцать лет старше Наташи, и у нее есть жених, с которым она проводит все свободное время, потому и возвращается домой так поздно. Зато Марик приходит рано, сразу же после занятий, нигде не задерживается, разве что в библиотеке, но это бывает редко. И не потому, что он плохой сту-

дент и не старается, нет, вовсе не поэтому. Просто его мама Бэлла Львовна сама работает в библиотеке и приносит домой любые книжки, какие только сыну понадобятся. И вообще, Марик — самый лучший!

К этому приятному выводу Наташа приходила регулярно, о чем бы ни размышляла. Ну разве она виновата, что мысли сами текут, выбирая направление, неизбежно приводящее к одному и тому же умозаключению!

Покончив с обедом, она села за уроки, решив победу родной страны в космосе отметить ударным трудом за учебниками. Сегодня уже восемнадцатое марта, через пять дней начнутся весенние каникулы, что само по себе, конечно, просто отлично, но в последний перед каникулами день в дневниках будут выставлять оценки за четверть, и это событие может принести некоторые огорчения. Да что там может, наверняка принесет. По физкультуре, труду и рисованию будут пятерки, в этом можно не сомневаться, руки у Наташи золотые, это все говорят, даже Марик (ох, опять Марик), и бегают она быстрее всех девочек в классе, и прыгает выше, и по канату взбирается ловко, как обезьянка, зато с французским языком у нее определенно не все благополучно, а уж с русским — вообще беда. И не потому, что она неграмотная, а потому что пишет грязно, с помарками, исправлениями. Она и по арифметике могла бы хорошие отметки получать, если бы не вечная грязь в тетрадках и бесконечные зачеркивания. Но что же она может сделать, если перьевые ручки так плохо ее слушаются и из них все время капают чернила! Вот если бы им разрешили писать такими ручками, какими пишет дядя Слава Брагин, шариковыми, то и грязи бы никакой не было. Правда, исправления все равно были бы, потому что Наташа Казанцева «девочка умная, развитая, но очень рассеянная», так говорит их учительница на родительских собраниях. Рассеянная, пишет упражнения по русскому или решает примеры по арифметике, а сама о чем-то постороннем думает, поэтому делает глупые ошибки, которые сама же заме-

чает и исправляет. А бывает, что и не замечает. Ну и ладно, зато по пению тоже будет пятерка, слух у Наташи отменный и голосок звонкий. Итого выходит, что в четверти набегают четыре пятерки, четверки по французскому и по чтению и тройки по письму и арифметике. Да уж, с таким табелем нечего надеяться на необыкновенные приключения во время каникул. Ни зоопарка, ни театра, ни кино по два раза в день. Но если в оставшиеся пять дней собрать волю в кулак и постараться как следует, то, может быть, еще можно выкарабкаться. Вот отец всегда ругает ее за то, что она уроки делает без черновиков, сразу набело пишет в ту тетрадку, которую потом на проверку учительнице придется сдавать.

— Ты сделай задание на черновике, покажи кому-нибудь из взрослых, они проверят, исправят ошибки, а тебе потом останется только аккуратненько набело переписать, — поучал он.

Но тратить время на черновики ей не хотелось. Скорей бы отделаться от уроков — и бегом на улицу, в кино, с подружками гулять. Вот и тройки в таблице. А что, если все-таки попробовать сделать так, как отец советует? Наташа достала чистую тетрадку в клеточку за 2 копейки и на обложке крупно вывела: «Черновик».

Она решила уже все примеры в новой тетрадке, разведя на чистеньких страницах невероятную грязь, когда хлопнула входная дверь и послышались шаги Марика — тихие, словно неуверенные, и одновременно почему-то тяжелые. Такая у Марика походка. Наташа вскочила, как пружиной подброшенная, и вылетела ему навстречу.

— Марик, ты слышал? Наши в космос полетели!

— Да что ты говоришь?! Не может быть! Ты сама слышала?

— Сама, по радио передавали, два человека полетели, Беляев и Леонов, Леонов даже в открытый космос вышел и двадцать минут там пробыл! — захлебывалась Наташа.

— Вот это новость так новость! Ну-ка расскажи мне

все подробно. Давай зайдем к нам, и ты все мне расскажешь.

«Господи, какой же он красивый», — думала Наташа, сидя за круглым столом напротив Марики и добросовестно пересказывая все, что слышала по радио. Густые черные брови, крупный нос, выпуклые блестящие темные глаза, яркие губы, волнистые волосы — все это вместе составляло для десятилетней девочки эталон мужской красоты, превзойти который не дано было никому. Ну ясно же, Марик — самый лучший. Когда ей было пять лет, она влюбилась в итальянского певца Робертино Лоретти, его фотокарточка в рамочке и под стеклом висела на стене над Наташиной кроваткой, все кругом слушали мелодичные песенки, исполняемые звучным дискантом, и красивый талантливый мальчик из далекой солнечной страны на протяжении трех лет был властелином ее детских грез. А потом она пошла в первый класс, и так получилось, что папа был в командировке, а у мамы с утра поднялась температура, целых тридцать девять и шесть, и отвести ее в школу оказалось некому, кроме Марики. И в первый же день новая подруга — соседка по парте Инка Левина — с интересом спросила:

— Это кто был, твой брат?

— Нет, это Марик, мы в одной квартире живем, — спокойно пояснила Наташа. — А что?

— Ничего. Красивый какой! — мечтательно вздохнула Инка.

Наташа сперва даже удивилась, а потом повнимательнее пригляделась к Марику и поняла, что да, действительно красивый. Портрет Робертино Лоретти был безжалостно изгнан с почетного места на стене, а все мысли Наташи Казанцевой, вокруг какого бы предмета ни вились, в конце концов сводились к одному: Марик — самый лучший. Марик с тех пор дважды проваливался на экзаменах в институт, сама Наташа училась уже в третьем классе, но кумир все еще не померк.

Пересказав во всех деталях, как она пришла из школы, как зашла в комнату и услышала сообщение по

радио, Наташа спохватилась, что Марик же, наверное, голодный, с утра ничего не ел, а она его тут баснями кормит.

— Давай я тебя покормлю, — предложила она. — Ты только скажи, что разогреть, и иди мой руки, а я все приготавливаю.

Марик и не думал удивляться, он давно привык к тому, что маленькая соседка заботится о нем, как взрослая. Девчушка ловкая и сноровистая, всем помогает, не только своей матери, всем готова услужить и ни разу — ни разу! — ни одной чашки или тарелки не разбила. Не зря же все до единого жильцы четырехкомнатной коммунальной квартиры в большом доме по Решикову переулку, что рядом со станцией метро «Смоленская», сходились во мнении: у Наташи Казанцевой руки золотые.

* * *

За пять дней внести существенные коррективы в оценки за четверть, конечно, не удалось, и дома разгорелся очередной скандал. Сначала попало самой Наташе, потом родители принялись ссориться между собой.

— Я с самого начала была против, чтобы она училась в этой поленовской школе! — кричала мама. — Ко-му он нужен, этот французский язык? Его на хлеб не намажешь и в карман не положишь, а ребенок только зря силы тратит на него и по основным предметам не успевает. Пусть этот год доучится, и переведем ее в гоголевскую.

— Гоголевская дальше от дома, а поленовская — вот она, за углом. Я не допущу, чтобы ребенок один ходил так далеко, — возражал отец.

— Да твой ребенок и так шляется целый день по Арбату, вместо того чтобы уроки учить!

— Значит, дело не во французском языке, а в том, что она не занимается!

— А ты меня не поддавливай!

— А ты...

Такой скандал разгорался на Наташиной памяти уже в третий или в четвертый раз, иными словами — по поводу каждого табеля, в котором мелькали тройки. Школа имени Поленова, в которой она училась, специализировалась на углубленном изучении французского языка, и выпускники даже получали диплом гида-переводчика по музею-усадьбе «Поленово». Находилась школа в Спасопесковском переулке, свернешь с Решикова переулка направо — и вот оно, школьное здание. Школа же имени Гоголя, в которую мать все мечтала перевести Наташу, была самой обыкновенной, без всяких там углубленных преподаваний, и находилась в глубине Староконюшенного переулка, чтобы до нее дойти, нужно было пять раз переходить дорогу. Учиться в другой школе Наташе не хотелось, ведь это означало бы не только раньше вставать и раньше выходить из дому, но и расстаться с подружками, поэтому каждый раз, когда родители начинали выяснять, кто из них прав и где их дочери лучше учиться, клятвенно давала себе слово не быть такой рассеянной, делать уроки тщательно и с черновиками и больше троек в таблице не допускать. Но проходили каникулы, и благой порыв успевал остыть еще до первого звонка на первый урок.

Наташе стало скучно, она незаметно выскользнула из комнаты и постучалась к соседке Бэлле Львовне.

— Бэлла Львовна, можно к вам на телевизор?

Бэлла Львовна и ее сын Марик были вторыми в их квартире счастливыми обладателями телевизора, правда, в их комнате стоял не роскошный комбайн «Беларусь-5», соединяющий в себе телевизор, проигрыватель и радиоприемник, как у Брагиных, а «КВН» с крохотным экранчиком и огромной линзой, но зато для того, чтобы посмотреть кинофильм или концерт у Брагиных, нужно было дожидаться приглашения хозяев, а к Бэлле Львовне Наташа заходила запросто.

По телевизору показывали концерт, пел Магомаев, который, по мнению Наташи, был, конечно, не такой красивый, как Марик, но тоже очень ничего. Темново-

лосый, темноглазый. Она милостиво отдавала ему второе место в СССР по красоте. После него выступала Эдита Пьеха, потом Иосиф Кобзон. Наташе казалось, что Бэлла Львовна слышит доносящиеся из-за стены раздраженные голоса родителей, девочка испытывала неловкость и попросила разрешения прибавить звук.

— Можно, я погромче сделаю? — робко попросила она. — Песня очень хорошая.

И опять во дворе
Все пластинка поет
И проститься с тобой
Нам никак не дает.
Ла-ла-ла... —

громыхнуло в комнате. Бэлла Львовна поморщилась, подошла к тумбочке, на которой стоял телевизор, повернула ручку громкости, убавив звук до разумных пределов.

— Тебе что, так нравится эта песня? — скептически осведомилась она. — Или тебе не нравится, что твои родители ссорятся?

— А чего, песня хорошая, — пробормотала Наташа, правда, не очень уверенно. Она почувствовала, что щеки запылали.

— Ну-ну. А что у тебя в табеле за четверть?

Наташу всегда поражала эта способность соседки все помнить и ничего не упускать из виду. Даже мама с папой не всегда помнили, когда у нее начинаются каникулы и когда положено предьявлять табель с оценками, а Бэлла Львовна всегда знала, когда каникулы, когда у кого из соседей день рождения, годовщина свадьбы или какая другая памятная дата, и даже кто в данный конкретный день в какую смену работает. Ниночка, например, работала телефонисткой в воинской части, работа трехсменная, и часто бывало, что она договаривалась по телефону куда-то пойти, а потом, не кладя трубку, громко кричала:

— Бэлла Львовна, на следующей неделе в среду я в какую смену работаю?

Собственно, Ниночка и сама могла бы подсчитать, но для этого ей пришлось бы сильно напрягаться, при этом с риском допустить ошибку, или вести специальный календарик, а Бэлла Львовна делала это быстро и в уме и уже через пару секунд отвечала:

— На следующей неделе в среду тебе в ночь выходить.

Вот и сейчас неловкие ухищрения Наташи скрыть ссору, происходящую у нее дома, ни к чему не привели, Бэлла Львовна все равно помнит, что сегодня — конец четверти, и понимает, что крик поднялся именно из-за оценок в Наташином табеле.

— Так что тебе выставили за четверть? — терпеливо повторила соседка.

— Там все хорошо, только две тройки.

— Только две тройки! — Бэлла Львовна трагически всплеснула руками. — Нет, вы послушайте это невинное дитя! Две тройки! Откуда они взялись, золотая моя? У тебя не должно быть троек вообще, ты понимаешь? У тебя даже четверок не должно быть. Ты должна быть круглой отличницей. Как мой Марик. Вот с кого ты должна брать пример. Тебе нужно учиться на одни пятерки.

— Зачем? — недоумевающе спросила Наташа.

Ну ладно, учиться без троек — это еще можно по-нять. Получать в школе только «хорошо» и «отлично» — это почетно и похвально, за это даже грамоты дают. Но одни пятерки? Нет, это уж слишком. Да и для чего так напрягаться? Вон Марик учился-учился на одни свои хваленые пятерки, а в институт два раза проваливался. Правда, в третий раз все-таки поступил, но уже в другой институт, не в тот, в котором хотел учиться.

— Что — зачем?

— Зачем получать одни пятерки? Вот Марик же не поступил со своими пятерками в институт, даже два раза, — простодушно заявила Наташа.

Бэлла Львовна вдруг сделалась серьезной и зачем-то выключила телевизор.

— Послушай меня, золотая моя, — сказала она не-